

ИТ 1265565

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ

МОСКОВСКИЕ ОБЛАКА

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ
**МОСКОВСКИЕ
ОБЛАКА**

СТИХИ

К 1 265565

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1972

В книгу «Московские облака» В. Шаламова вошли произведения поэта последних лет. В основе каждого произведения В. Шаламова лежит напряженная, действенная мысль. Раздумья о наших днях, о жизни, быт, природа — во всем этом мы ощущаем голос подлинного поэта, утверждающего единство человека с живым, полновзвучным миром.

Художник НАТАЛЬЯ ФАДЕЕВА

* * *

Я — северянин. Я ценю тепло,
Я различаю — где добро, где зло.

Мне нужен мир, где всюду есть дома,
Где белым снегом вымыта зима.

Мне нужен клен с опавшею листвою
И крыша над моею головой.

Я — северянин, зимний человек,
Я каждый день ищу себе ночлег.

* * *

По старому следу сегодня уеду,
Уеду сквозь март и февраль,
По старому следу, по старому следу,
В знакомую горную даль.

Кончаются стежки мои снеговые,
Кончаются зимние сны,
И тают в реке, словно льдинки живые,
Слова в половодьи весны.

НАВЕРХ

В пути на горную вершину,
В пути почти на небеса,
Вертятся вслед автомашине
И в облака плывут леса.

И через горные пороги,
Вводя нас молча в дом земной,
Ландшафты грозные дорога
Передвигает предо мной.

Хребты сгибающая тяжесть
На горы брошенных небес,
Где тучи пепельные вяжут
И опоясывают лес.

Скелеты чудищ допотопных,
Шестисотлетних тополей,
Стоят толпой скалоподобной,
Костей обветренных белей.

Во мгле белеющие складки
Гофрированной коры
Годятся нам для плащ-палатки
На случай грозовой поры.

Все вдруг закроется пожаром,
Огня дрожащего стеной,
Или густым болотным паром,
Или тумана пеленой.

И, наконец, на повороте
Такая хлынет синева,
Обнимет нас такое что-то,
Чему не найдены слова,

Что называем снизу небом,
Кому в лицо сейчас глядим,
Глядим восторженно и слепо,
И скалы стелются под ним.

А горный кряж, что под ногами,
Могильной кажется плитой,
Он — вправду склеп, в нем каждый
камень
Унижен неба высотой.

Топограф, знающий тайгу,
Перебираясь через кочки,
Вдруг цепенеет на бегу,
Увидев свежий след в снегу,
След, растянувшийся цепочкой.

Уже ослабевает свет,
И наст, подернутый поземкой,
Способен скрыть легчайший след
На кромке льда, на самой кромке.

И, выходя на рысий след,
Бредет звериною походкой
Добытчик, а не дармод,е
А может быть — в душе поэт,
Взволнованный своей находкой.

* * *

Быть может, и не глушь таежная,
А склад характера, призванье
Зовет признания тревожные,
Зовет незваные названья.

Автобусное одиночество
И ненамеренность дороги —
Приметы для предмета зодчества,
Для слов, разломанных на слоги.

Служить на маяке механиком,
Подмазывая ось вселенной,
Следя за тем, как люди в панике
Ее смещают постепенно.

Не труд машины вычислительной,
Оборванный на полуфразе,
А всех созвездий бег стремительный
В еще Колумбовом экстазе.

Природа славится ответами
На все вопросы роковые —
Любыми грозами, кометами,
Увиденными впервые.

Далекая от телепатии,
Воспитанная разумно,
Она лишь звездочета мантия,
Плащ серебристо-лунный.

ВОСХОД СОЛНЦА

Все осветилось изнутри.
И теплой силой света
Лесной оранжевой зари
Все было здесь согрето.

Внезапно загорелось дно
Огромного оврага,
И было солнце зажжено,
Как зажжена бумага.

* * *

Я не искал людские тайны,
Как следопыт.
Но мир изменчивый, случайный
Мной не забыт.

Тепло людского излученья
В лесной глуши,
Земные донные теченья
Живой души.

И слишком многое другое,
О чем нет слов,
Вставало грозное, нагое
Из всех углов...

* * *

Грозы с тяжелым градом,
Градом тяжелых слез.
Лучше, когда ты — рядом,
Лучше, когда — всерьез.

С Тютчевым в день рожденья,
С Тютчевым и с тобой,
С тенью своею, тенью
Нынче вступаю в бой.

Нынче прошу прощенья
В послегрозовый свет,
Все твои запрещенья
Я не нарушу, нет.

Дикое ослепленье
Солнечной правоты,
Мненье или сомненья —
Все это тоже ты.

ЛЕДОХОД

Не гусиным — лебединым
Напишу письмо пером,
Пусть бежит к тебе по льдинам
В половодье напролом.

Напишу — и брошу в воду
Лебединое перо —
По ночному ледоходу
Засияет серебро.

И в такую холодину
Разобрать не сможешь ты,
Лебедь это или льдина
Приплывет из темноты.

Приплывет перо на скалы,
Ледяное как звезда,
Никогда ты не слыхала
Лебединой песни льда.

Никогда ты не слыхала
Лебединой песни льда,
В час, когда ночные скалы
Бьет весенняя вода.

Удача — комок нарастающей боли,
Что долго терпелась тайком,
И — снежный, растущий уже поневоле,
С пригорка катящийся ком.

И вот этот ком заслоняет полмира,
И можно его превратить,
Покамест зима, — в обжитую квартиру
Иль — в солнце его растопить.

И то и другое, конечно, удача,
Закон, говорят, бытия —
Ведь солнцу решать приходилось задачи
Трудней, чем задача моя.

РУДА

Не в пролитом море чернил
Мы ищем залого успеха,—
Мы ищем, что мир схоронил,
Себе схоронил на потеху.

Что он от других уберег,
Таких же строителей жадных,
Умеющих кайлами строк
Врубаться в словарь беспощадно.

Но золото скрыто на дно,
И эту тяжелую тайну
Записывать нам суждено
Воистину только случайно.

Случайно руда найдена,
Хотя полноценна и щедра,
И будто до самого дна
Земли открываются недра.

И можно порвать черновик
И легкой походкою зверя
Уйти от могущества книг,
В могущество леса поверя.

* * *

Иду, дышу сосновым лесом,
Целебен воздух,
Гляжу на небо с интересом:
Красивы звезды.

Мне нынче только бор потребен,
И к бору руки
Я простираю — лес целебен,
Лес гасит звуки.

Он — враг открытого пространства
И резкость света
Смягчает с вечным постоянством,
Зимой и летом.

Загадки мировой вселенной
Понять мне проще,
Когда я стану на колени
В сосновой роще.

МОЙ АРХИВ

Рукописи — береста,
Камни — черновики.
Буквы крупного роста
На берегу реки.

Мне не нужна бумага.
Вместо нее — леса.
Их не пугает влага:
Слезы, дожди, роса.

Дерево держит строки:
Желтый крутой затес,
Залитый светлым соком
Клейких горячих слез.

Вот надежно укрытый
Склад моего сырья,
Птицами позабытый,
Спрятанный от зверья.

КОРНИ ДАУРСКОЙ ЛИСТВЕННИЦЫ

Корни деревьев — как флаги,
Флаги в промерзлой земле,
Мечутся в поисках влаги,
В страстной мечте о тепле.

Вся корневая система
В мерзлой от века судьбе.
Это — упорства поэма,
Это — стихи о борьбе.

* * *

Немилосердное светило
Дотла сожгло олений мох,
Настолько скалы раскалило,
Что даже дождик не помог.

И что для этой страшной суши
Старанья тучи дождевой,
От них не сделалось бы хуже
С засохшей, скрюченной травой.

Промчалась туча мимо, мимо,
Едва обрызгав косогор.
Деревья, точно руки мима,
Немой ей бросили укор.

И солнце выскочило снова
Плясать в дымящейся траве,
И скалы лопаться готовы,
И жесть шуршит в сухой листве.

Озерная вода прозрачней, чем глаза,
И заглянуть на дно не страшно и не горько,
И если щеки мне щекочет здесь слеза,
То только потому, что горек дым махорки.

И ивовых кустов, сплетенных крепче кос,
Касаться я могу своей рукой усталой,
Лекарством пахнет лес, лекарством сенокос,
И лесу грусть моя и вовсе не пристала.

УСТЬЕ РУЧЬЯ

Безвестный ручей,
Безымянный, ненужный,
Для наших ночей
Недостаточно южный,

Где чаек полет
И полярное лето,
Священный лед
Изумрудного цвета.

Забытый зимой
В недоступном ущельи,
Зимой самой
На моем новосельи,

Где прямо вперед
Через лед трехметровый
Летит водомет,
От заката багровый.

И темной реки
Замедля течение,
Бегут пузырьки
Огневого свеченья.

Да... Как все это было?
Ее вела река
Через заносы ила
И донного песка.

И вырублена грубо
Из цельного ствола
Огромнейшего дуба
Та лодочка была.

И берег был пологий,
А лодке — не пройти.
Трудны ее дороги,
Запутаны пути.

И лодка затонула,
Завязла глубоко,
На самом дне уснула,
От жизни далеко.

И камень лег на плечи,
И — с головы до ног —
От взглядов человеческих
Ее закрыл песок.

И через пять столетий
Той лодочки скелет
При звездном найден свете
И вытащен на свет.

Над ней пришел стараться,
Находчив, бодр и смел,
Профессор реставраций,
Знаток музейных дел.

И собрана без клея,
При синтезе наук,
Усилий не жалея,
Не покладая рук...

И видит археолог
Весы добра и зла:
Что лодка — не осколок,
И вся она — цела.

Ту лодочку не надо
В архивный брать учет,
Реакцией распада
И проб на углерод.

В своей судьбе короткой
И днем, а не на дне,
Еще способна лодка
Служить речной волне.

* * *

Высоки, текучи, глубоки
Голубые дальние пески.

Облака — подобие холстин,
Небеса — подобие пустынь.

Море — будто небо, а земля —
Место для движенья корабля.

Всю-то ночь плетется караван
Через тот песчаный океан.

Звезды, как копытные следы,
Нас ведут через пески и льды.

* * *

На память черпнул я пол-океана
Храню у себя на столе,
Зажить не хотят эти ранние раны,
Забуть о подводной скале.

Давно б затянулись в просторе небесном,
В космической высоте,
Где резали воздух Галактики вести,
Дрожа на магнитном щите.

В простом, угловатом граненом стакане
Найти я границы хотел
Предел бесконечного океана
И бездны бездонной предел.

И вы в разговоры о смерти не верьте,
Там тления нет и следа.
В стакане бурлит, утверждая бессмертье,
Живая морская вода.

А может быть, все это вышло из моды —
Стаканы, приметы, цветы,
Игра или только игрушка природы
Стихи эти, я и ты...

Ну, вот вам мой отчет:
По желтой корке льда,
По наледи течет
Багровая вода.

Бесшумные ручьи
Шныряют там и тут;
Они еще ничьи —
Причала не найдут.

И снег серей свинца
Валяется в лесу.
Он вроде леденца,
Я сам его сосу.

И лозы так красны,
Как будто бы во сне
Безмолвие весны
Понравилось весне.

* * *

Птица спит, и птице снится
Дальний, дальний перелет,
И темница, и светлица,
И холодный лед.

И зарницы-озорницы
Пробегают взад-вперед,
Будто перьями жар-птицы
Устилают небосвод.

Быстро гаснут эти перья —
И чернеет сразу мрак,
Знаю, знаю, что доверье
В русской сказке — не пустяк.

* * *

Согнулась западня
Под тяжестью синицы,
И вся ее родня
Кричит и суетится.

И падает затвор
Нехитрого снаряда.
А я стою, как вор,
И не спускаю взгляда

С испуганных пичуг,
И, вне себя от счастья,
Разламываю вдруг
Ловушку ту на части.

И в мертвой тишине,
В моем немом волненье
Я жду, когда ко мне
Приблизятся виденья.

Как будто Васнецов
Забрел в мои болота,
Где много мертвецов
И сказке есть работа.

Где в заводях озер
Зеленых глаз Алены
Тону я до сих пор —
Охотник и влюбленный.

И, стоя за спиной
Царевича Ивана,
Объеду шар земной,
Арктические страны.

Уносит серый волк
К такой стране нездешней,
Где жизнь моя — как долг,
Стремленье и надежда.

В морщинах скрыта грусть,
Но я не беспокоюсь —
Я солнцем оботрись,
Когда росой умоюсь.

ПЕГАС

Остановит лошадь конный,
Дрогнет ветхое крыльцо,
Искажит стекло балкона
Отраженное лицо.

И протянет всадник руки
Прямо к ржавому замку,
Конь шарахнется в испуге,
Брошен повод на луку.

Вслед за солнцем незакатным
Он поскачет все вперед,
Он по мостикам накатным
Перейдет водоворот.

Ради жизни, ради слова,
Ради рыб, зверей, людей,
Ради кровью налитого
Глаза лошади своей.

* * *

Гиганты детских лет,
Былые Гулливеры,
Я отыскал ваш след
У северной пещеры.

Разбужены чуть свет
Ревнителем равнины,
Варили свой обед
Ночные исполины.

В гранитном котелке,
А может быть, и чаше,
В порожистой реке
Заваривали кашу.

Кружился все сильнее,
Сойдя с земных тропинок,
Весь миллион камней,
Как миллион крупинок.

* * *

В воле твоей остановить
Этот поток запоздалых признаний,
В воле твоей — разорвать эту нить
Наших воспоминаний.

Только — тогда разрывай до конца,
Чтобы, связавшая крепко вначале
Если не судьбы, так наши сердца,
Нить, как струна, зазвучала...

* * *

Нет, память не магнитофон,
И не стереть на этой ленте
Значение и смысл и тон
Любого мига и момента.

И самый миг не будет стерт,
А укреплен, как путь и опыт:
Быть может, грозовой аккорд,
Быть может, только слабый шепот.

Услышанное сквозь слова
И то, что видено случайно,—
Все сохранила голова
Предвестником для новой тайны.

ПРАЧКИ

Девять прачек на том берегу
Замахали беззвучно руками,
И понять я никак не могу,
Что у прачек случилось с руками.

Девять прачек полощут белье.
Состязание света и звука
В мое детство, в мое бытие
Ворвалось как большая наука.

Это я там стоял, ошалев
От внезапной догадки-прозренья,
И навек отделил я напев
От заметного миру движенья.

ВОСПОМИНАНИЕ О ЛИКБЕЗЕ

Он — черно-белый, мой букварь,
Букварь моей судьбы:
«Рабы — не мы. Мы — не рабы», —
Вот весь его словарь.

Не мягкий ход полутонов:
«Уа, уа, уа», —
А обновления основ
Железные слова.

Я сам, мальчишка-педагог,
Сижусь среди старух,
Старухам поднимаю дух,
Хоть не пророк, не бог.

Я повторяю, я учу,
Кричу, шепчу, ворчу,
По книге кулаком стучу,
Во тьме свечой свечу.

Я занимаюсь — сутки прочь!
Не ангел, не святой,
Хочу хоть чем-нибудь помочь
В сражение с темнотой.

Я ликвидатор вечной тьмы,
В моих руках — букварь:
«Мы — не рабы. Рабы — не мы».
Букварь и сам — фонарь.

Сражение с «чрез», и «из», и «без»,
Рассеянных окрест,
И называется «ликбез»,
Где Маша кашу ест.

И тихо слушает весь класс
Мне важный самому
Знакомый горестный рассказ
«Герасим и Муму».

Я проверяю свой урок
И ставлю балл судьбе,
Двухбалльной системой мог
Отметку дать себе.

Себе я ставлю «уд» и «плюс»
Хотя бы потому,
Что силой вдохновенья муз
Разрушу эту тьму.

Людей из вековой тюрьмы
Веду лучом к лучу:
«Мы— не рабы. Рабы — не мы».
Вот все, что я хочу.

* * *

Моя мать была дикарка,
Фантазерка и кухарка.

Каждый, кто к ней приближался,
Маме ангелом казался.

И, живя во время оно,
Говорить по телефону

Моя мама не умела:
Задыхалась и робела.

Моя мать была кухарка,
Чародейка и знахарка.

Доброй силе ворожила,
Ворожила доброй силе.

Как Христос, я вымыл ноги
Маме — пыльные с дороги,—

Застеснялась моя мама —
Не была героем драмы.

И, проехавши полмира,
За порог своей квартиры

Моя мама не шагала.
Ложь людей ее пугала.

Мамин мир был очень узкий,
Очень узкий, очень русский.

Но, сгибаясь постепенно,
Крышу рухнувшей вселенной

Удержать сумела мама
Очень прямо, очень прямо.

И в наряде похоронном
Мама в гроб легла Самсоном —

Выше всех казалась мама,
Спину выпрямив упрямо,

Позвоночник свой расправля,
Суету земле оставя.

Ей обязан я стихами,
Их крутыми берегами,

Разверзающейся бездной,
Звездной бездной, мукой крестной...

Моя мать была дикарка,
Фантазерка и кухарка.

* * *

Больного сердца голос властный
Мне повторяет сотый раз,
Что я живу не понапрасну,
Когда пытаюсь жить для вас.

Я, как пчела у Метерлинка,
Трудолюбивая пчела,
Которой вовсе не в новинку
Людские скорбные дела.

Я до рассвета собираю,
Коплю по капле слезный мед,
И пытке той конца не знаю,
И не отбиться от хлопот.

И чем согласней, чем тревожней
К бумаге просятся слова,
Тем я живу неосторожней
И горячее голова.

ЯСТРЕБ

С тоской почти что человеческой
По дальней сказочной земле
Глядит тот ястреб узкоплечий,
Сутолящийся на скале.

Рассвет расталкивает горы,
И в просветленной темноте
Тот ястреб кажется узором
На старом рыцарском щите.

Он кажется такой резьбою,
Покамест крылья распахнет,
И нас поманит за собою,
Пересекая небосвод.

* * *

Какое-то апреля,
Полсотни лет назад —
На выставке в Брюсселе
Бесценный экспонат,

Необычайно важный
Научный экспонат —
Простой листок бумажный
Приковывает взгляд.

Незримого свеченья
Отравленный поток;
Хранящий излученье
Ученого листок...

Лежит листок полвека,
Страшнее, чем анчар,
Он — гордость человека,
Разоблаченье чар,

Природы чар незримых,
Где предвосхищены
Мученья Хиросимы
И ядерной войны.

И ты — открытья жертва,
Склодовская-Кюри,
Листок — твое бессмертье,
Ученая Мари.

И счетчик излученья
Трепещет близ листка —
Всеобщее волненье,
Волненье и тоска...

Не жизни разве ради
Открыла нам она
Вот этот самый радий,
Которым сражена?

* * *

Приглядись к губам поэта,
Угадай стихов размер
И запомни: чудо это,
Поучительный пример,—

Где в прерывистом дыханье
Зрению доступный ритм
Подтверждает, что стихами
Жизнь о жизни говорит.

* * *

В гремящую грозу умрет глухой Бетховен,
Затмится солнце в Кантов смертный час.
Рассержен мир — как будто он виновен
Или винит кого-нибудь из нас.

Природа не всегда к искусству равнодушна
И гения судьбой подчас возмущена,
Имеешь уши слышать — слушай,
Как затаился гром, как дышит тишина.

* * *

Стихотворения — тихотворения,
И это — не обмолвка, нет,
Такие они с рождения,
С явленья на белый свет.

Стихотворения — тихотворения
И требуют тишины,
Для тонкости измерения
Длины, высоты, ширины.

Стихотворения — тихотворения,
Поправок, доделок — тьма!
От точности измерения
Зависит и жизнь сама.

* * *

Пусть чернолесье встанет за деревьями —
Тропинкой вглубь идут мои стихи.
Не лес я должен видеть за деревьями,
А голубую кожицу ольхи.

Стекляшки — бусы розовой смородины
И слив резиновые шары.
Дороги не заказаны, не пройдены
В подлески, чащи, рощи и боры.

Скажу не по-латински, не по-гречески
Про мертвую сожженную траву —
Пока пейзаж не говорит по-человечески,
Его пейзажем я не назову.

* * *

Три корабля и два дельфина
На желтый остров приплывут,
При шторме девять с половиной
Отыскивая приют.

Они меняют дни на ночи.
Берут концы вместо начал,
И путь становится короче,
И приближается причал.

И волны, волны — нет им меры,
Три корабля, три корабля.
Не каравеллы, а галеры
Плывут по курсу января.

И по Колумбову компасу —
Не то зюйд-вест, не то норд-ост,
Плывут дежневские карбасы
Под синим светом старых звезд.

* * *

Я пришел на старый берег
Перемятых рыжих скал,
Где когда-то Витус Беринг
Адмиралом умирал.

Где, весенней силой полны,
Силой солнца и воды,
Напряженно и безмолвно
Выгибали спину льды.

Океан упрятал тело
Под саженный теплый лед,
Заворочался в постели,
Потянулся и встает.

Ледяное одеяло
Разрывает в лоскутки,
Грозным гневом обуялый,
Тычет в небо кулаки.

И взволнованные воды,
Сотрясая якоря,
Подбивают пароходы
На прогулки по морям.

Океан затем разбужен,
Что весной корабли
Плыть готовы хоть по лужам,
Только б дальше от земли.

Он затем весной разбужен,
Что пролеживать бока
Круглый год совсем не нужно
Морякам и рыбакам.

Океан затем разбужен
От трехмесячного сна,
Что уже слабеет стужа
И командует весна.

Если б люди без флотилий
Проводили свою жизнь —
Океана б не будили,
Без него бы обошлись.

* * *

Покамест нет дороги льдинам
И тол не разорвал затор,
Поселок пахнет нафталином
И изморозь приходит с гор.

В привычный час ложится иней,
И тает он в привычный час,
И небосвод индиго-синий
Неутомимо давит нас.

И слышен тонкий запах тленья,
Весенний наступает час,
И прошлогодние растенья
Являются в последний раз.

РЕЧНЫЕ ОТРАЖЕНИЯ

Похожая на рыбу,
Плывущая река
О каменные глыбы
Уродует бока.

Светящееся тело
Чешуйчатой волны
Кольцугой заблестело
От действия луны.

Простейшие сравнения,
Которым нет числа,
Сейчас в стихотворенье
Мне полночь привела.

Имеют ли значенье
Вселенной огоньки
Для скорости теченья
И уровня реки?

Что было так мгновенно
Водой отражено,
Воистину забвенно
И кануло на дно.

Навряд ли отраженье
Какой-нибудь звезды
Влияет на движенье
Катящейся воды.

* * *

Кета рождается в донных стойлах
Незамерзающей реки,
Зеленых водорослей войлок
Окутывает родники.

Дается лососевой рыбе
В свою вернуться колыбель.
Здесь все в единстве: жизнь
и гибель,
Рожденье, брачная постель.

И подвиг жизни — как сраженье:
Окончив брачную игру,
Кета умрет в изнеможенье,
На камень выметав икру.

И не в морской воде, а в пресной
Животворящий кислород
Дает дышать на дне чудесно
И судьбы двигает вперед.

КАПЛЯ

Править лодкою в тумане
Больше не могу.
Будто я кружусь в буране
В голубом снегу.

Посреди людского шума
Рвется мыслей нить.
Своего мне не додумать,
Не договорить.

Капля с каплей очень схожи,
Падают они:
День за днем, как день прохожий,
День — калика перехожий,
Каплют капли-дни.

Разве тяжче, разве краше,
Ярче всех других
Та, что переполнит чашу,
Чашу дней моих.

* * *

Где роса, что рукою сотру
С лепестков охлажденных цветов,
Где мельчайшая дрожь поутру
Всей листвы, всей травы, всех кустов.

Надо вычерпать слово до дна.
Разве в сказке заделана течь,
Чтоб плыла словно лодка она,
Где течение — река или речь...

* * *

Нынче я пораньше лягу,
Нынче отдохну.
Убери же с глаз бумагу,
Дай дорогу сну.

Мне лучи дневного света
Тяжелы для глаз,
Каменистый путь поэта
Людям не указ.

Легче в угольном забое,
Легче кем-нибудь,
Только не самим собою
Прошагать свой путь.

* * *

Еще в покое все земное,
Еще не вырвался гудок
В глухое царство ледяное
Медвежьих и людских берлог.

Пустуют синие дороги,
И небосвод отменно чист,
Висит перед глазами бога
Весь мир, как ватмановский лист.

Еще без третьих измерений
Он весь как плоскость, как чертеж,
Предшествующий сотворенью,
На землю вовсе не похож.

Любое в нем чертою резкой
Себя граничит от других,
Он разноцветен, точно фреска
В такой передгудочный миг.

* * *

Я верю в предчувствия и приметы —
Науку из первых, ребяческих рук,
Я верю, как подобает поэту,
В ненужность жертвы, в ненужность мук.

Я верю, как подобает поэту,
В такое, что видеть не привелось,
В лучи тишины неизвестного света,
Пронизывающие насквозь.

Я верю: при косноязычьи природы
Обмолвками молний показаны мне
Зигзаги путей в высоту небосвода
В покойной и праздничной тишине.

И будто всегда меня уносила
В уверенный сказочный этот полет
Молений и молний взаимная сила,
Подвального свода сломав небосвод.

ГИРОСКОП

Поверхность мира расстели
По всей длине стола,
По необъятности земли
Скачи, моя юла.

Магический полярный круг
Иглою очерти,
Чтоб по следам ревущих вьюг
Прошли твои пути.

Сердечный выбросил толчок
Тебя на край стола,
И закружился мой волчок,
Усталая юла.

Юла трудилась, как могла,
Не вытирая пот,
Звенела в мире, как пчела,
Сбирающая мед.

Так бейся в голубой бетон,
Плясунья,— до конца,
Покамест пульс и такт и тон
Еще стучат в сердца.

* * *

Мир отразился где-то в зеркалах.
Мильон зеркал темно-зеленых листьев
Уходит вдаль, и мира легкий шаг —
Единственная из полезных истин.

Уносят образ мира тополя
Как лучшее, бесценное изделие.
В пространство, в бездну пущена земля
С неоспоримой, мне понятной целью.

И на листе — на ветровом стекле
Летащей в бесконечное природы,
Моя земля скрывается во мгле,
Доступная познанию небосвода.

* * *

Три снежинки, три снежинки в вышине —
Вот и все, что прикоснулось бы ко мне,

По закону тяжести небесной и земной
Медленно раскачиваясь надо мной.

Если б кончился снежинок долгий путь —
Навек мог бы я кристаллами блеснуть.

Это — тайна, тайна снежной красоты —
Парашютное паденье с высоты.

* * *

Кто-то сердце крепко стиснет,
Окунет в огонь, в жару,
Ледяные волны Стикса
Преграждают путь перу.

Поразит меня, как лазер,
Обжигающ и колюч,
Оборвет на полуфразе
Невидимка — смертный луч.

Я присяду у порога,
Острый отразив удар,
Понемногу, понемногу
Отобьюсь от смертных чар.

И, уняв сердцебиенье,
Обманув судьбу мою,
Одолев оцепененье,
Продолжать свой путь встаю.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Слякоть нынче схвачена морозом,
Как створоженное молоко.
Снег подобен падающим звездам,
И дышать по-зимнему легко.

Каждый звук отчетливый и громкий,
Слишком звонкий нынче на пруду.
Воробей на заберега кромке
Оступается на скользком льду.

Первые снежинки еле-еле
Все же долетают до земли.
Завтрашние белые метели
К нам еще добраться не могли.

* * *

Это чайки с высоты
Низвергаются — и вскоре
Превращаются в цветы —
Лилии на сером море.

Ирисы у ног цветут,
Будто бабочки слетелись
На болотный наш уют,
Появиться здесь осмелясь.

На щеках блистает снег,
Яблоневый цвет блистает,
И не знает человек,
Отчего тот снег не тает.

* * *

Мне снова жажда вяжет губы
В сухом снегу,
Где белый лес играет в трубы
Во всю вьюгу.

И наст горит под скользкой лыжей.
Дымится снег.
Огонь все ближе, ближе, ближе,
И вот — ночлег.

И, ставя обе лыжи стоймя
К венцу избы,
Я постучу в окно спокойно
Рукой судьбы.

* * *

Огонь — кипрей! Огонь — заря!
Костер, внесенный в дом.
И только солнце января
Не смеет быть огнем.

Оно такое же, как встарь,
Внесенное в тайгу,
Оно похоже на янтарь,
Расплавленный в снегу.

А я — как муха в янтаре,
В чудовищной смоле,
Навеки в этом январе
В прозрачной желтой мгле.

Я хочу, чтоб средь метели
В черной буре снеговой,
Точно угли, окна тлели,
Окна дальние горели
Ясной вехой путевой.

В очаге бы том всегдашнем
Жили пламени цветы
И чтоб теплый и нестрашный
Тихо зверь дышал домашний
Средь домашней темноты.

* * *

Снег прибегает в сад,
Как будто по ошибке,
Настроить снежный лад
Сосновой зимней скрипке.

Все та же, та же цель,
И нет судьбы важнее.
Метель гудит, как шмель,
Но только пострашнее.

ПУРГА

Я лучше помолчу,
Пока растает лед,
Что горному ключу
Платком заткнули рот,

Что руки у реки
Развязывать нельзя,
Что нынче у пурги
Ослепшие глаза.

Но я сказать могу,
Что было б все иначе,
Когда бы к нам в тайгу
Пурга явилась зрячей.

От этих грозных гор
И камня не оставив,
Разбила бы забор
И выломала ставни.

Гуляя здесь и там,
Свою срывала б злобу,
Взъерошенным клестам
Пришлось глядеть бы в оба.

И зайцы в том краю
Не смели б показаться.
Куда-нибудь на юг
Гнала бы их, как зайцев.

И в снежной синей пене
Тонули бы подряд
Олени и тюлени,
Долины и моря...

* * *

Зимы никому не жалко —
Ни кошкам, ни тучам, ни галкам,
Ни розам и ни фиалкам.
Весь мир ненавидит мороз.

Весна — это вовсе не жалость,
Зимой овладела усталость,
Зимой у природы осталась
Одна только горечь слез.

Как выплакать эти слезы?
Без всякой надуманной позы
В сплошные весенние грозы
Рыдать проливным дождем,

Чтоб вместо свечного огарка
К нам солнце и жарко и ярко
Нежданным небесным подарком
Обрушилось в каждый дом.

ВЕСНЕ

Сияющей и стыдливой
В таежные наши леса
Явись к нам, как леди Годива,
Слепящая снегом глаза.

Пройди леденелой тропинкой
Средь рыжей осенней травы:
Найди нам живую травинку
Под ворохом грязной листвы.

Налей нам воды под полозья
Тяжелых разбухших саней,
Пусть ярче полночные звезды
И небо дневное — синей.

* * *

Оглушительна капель стук,
Оглушительна капель звук —
Время, выпавшее из рук.

Капли времени. Зимний час.
Равнодушие холодных фраз,
Слезы, вытекшие из глаз.

Закономной весны капель,
Ледяная звонкая трель,
Ты — растаявшая метель.

Это все — не только апрель.
Это время стреляет в цель.

ТАЕЖНАЯ ВЕСНА

Наступающим маем
Истончились снега.
И олени снимают
Свои ветви-рога.

Но деревья не станут
Подражать им ни в чем,
Раздвигая туманы
Деревянным плечом.

Они вытянут ветки,
Разожмут кулаки,
Их потомки, их предки
Все гибки и крепки.

Хвою, словно перчатки,
Надевают леса,
Клейки листьев зачатки,
И шумят небеса.

* * *

Избушка крыта финской стружкой,
Блестит, как рыба чешуя,
В избушке той — моя подружка,
Моя подружка — жизнь моя.

Она по физики законам
На смерть давно обречена,
Затем и в мире законном
Не появляется она.

Она полна того пристрастья,
Какое силу ей дает
Несчастье ощутить как счастье
В ненастье, когда дождик льет.

ЗА БРУСНИКОЙ

Посреди спрутообразных
Распластавшихся кустов,
Поперек ручьев алмазных,
Вдоль порфириковых щитов,

Подгоняемые ветром,
Мы бредем в брусничный рай —
С четырех квадратных метров
По корзине собирай.

Привяжи повыше мету —
Телогрейку иль платок,
Чтоб тебя не съело лето,
Дальний Северо-Восток.

Здесь не трудно, в самом деле,
Белым днем, а не впотьмах
Потеряться, как в метели,
В этих кочках и кустах.

* * *

Поблескивает озеро,
Качается вода,
И ветер ходит козырем
Перед приходом льда.

На миг тот лед появится
И скроется опять,
Капризнице-красавице
Повадками под стать.

Ползет каймой хрустальною
По заберегам лед,
Пройдя дорогу дальнюю,
Лед очень устает.

Он был ледник медлительный,
Сползающий с горы,
Кидавший в трепет жителей
Далекой той поры.

Хребты и плоскогорья
Географам лепил,
И мерили историю
Движеньем этих сил.

Он жил, как князь владетельный,
Хозяин тех времен,
О них живых свидетелей
Не оставляет он.

* * *

Подростком сюда затесался клен,
И сосен и елей моложе,
Чужой среди тонких латунных колонн,
Хотя и не краснокожий.

Ему тут не место. Ему не с руки,
Он сам заблудился в трех соснах.
И светят ему лишь одни светляки
И радуга фокусов росных.

* * *

Сосен светлые колонны
Держат звездный потолок,
Будто там, в садах Платона,
Длится этот диалог.

Мы шагаем без дороги,
Хвойный воздух как вино,
Телогрейки или тоги —
Очевидно, все равно...

* * *

На этой горной высоте
Еще остались камни те,

Где ветер выбил письмена,
Где ветер высек имена,

Которые прочел бы бог,
Когда б читать умел и мог.

У ОКНА

Я слушаю вблизи окна,
Как просыпается Москва,
Снимает плащ дождя она,
Надетый ночью в рукава.

Вот — дальний поезда гудок,
И шорох дворника метлы,
И небо — небо, как цветок,
Растущий из свинцовой мглы.

Следы тысячелетних слез
На липких, серых листьях лип,
И шум машин как скрип колес,
Стариннейший тележный скрип.

Нарушить все — идти на риск,
Открыть гремящее окно,
Чтоб лучше слышать птичий писк,
Меня тревожащий давно.

* * *

Летом работаю, летом,
Как в золотом забое,
Летом хватает света
И над моей судьбою.

Летом перья позвонче,
Мускулы поживее,
Все, что хочу окончить,
В летний рассвет виднее.

Кажется бесконечным
День — много больше суток!
Временное — вечным,
И — никаких прибауток.

ЛИСТОПАД

Навстречу проходим листочками жести
Листья летели метелью, как снег,
И милиционеры, боясь происшествий,
Машинам сбавляли размеренный бег.

Водители связь потеряли с землею
И в ужасе жали на все тормоза,
И желтою пылью, как желтою мглою,
Проходим с утра порошило глаза.

Автобусы плыли, стремясь к повороту,
На твердую землю въезжали, гудя,
И морщилось небо, и стыло от пота,
И падали первые капли дождя.

* * *

Орудье кружевницы —
Известное давно —
Коклюшки, а не спицы
И не веретено.

Трещат, как кастаньеты,
И мне уж не до сна.
Трещат коклюшки эти —
Седая старина.

Полна, полна азарта,
Учета всех опор,
Разведочная карта —
Задуманный узор.

И трезвого расчета
И вымысла полна —
Кустарная работа,
Кустарная война.

Крученой белой нитью
В булавочных лесах
Записаны события —
Рассказ о чудесах.

Походкой величавой,
Вдогонку старине,
За павой ходит павая
По нитяной стране.

А на другой подушке
Усиьем кастаньет —
Ракета на коклюшке
Прелестней всех ракет.

И павы и ракеты
Идут за рядом ряд,
Коклюшки-кастаньеты
Пощелкивают в лад.

Сплетите, кружевницы,
Такие кружева,
Чтоб жителей столицы
Кружилась голова.

РЯЗАНСКИЕ СТРАДАНИЯ

Две малявинских бабы стоят у колодца —
Древнерусского журавля —
И судачат... О чем им судачить, Солотча,
Золотая, сухая земля?

Резко щелкает кнут над тропею лесною —
Ведь ночным пастухам не до сна.
В пыльном облаке лошади мчатся в ночное,
Как в тургеневские времена.

Конский топот чуть слышен, как будто глубоко
Под землей этот бег табуна.
Невидимки умчались далеко-далеко,
И осталась одна тишина.

Далеко-далеко от московского гама
Тишиной настороженный дом,
Где блистает река у меня под ногами,
Где взмахнула Ока рукавом.

И рукав покрывают рязанским узором,
Светло-бронзовым соснам под лад,
И под лад черно-красным продымленным
зорям
Этот вечный вечерний наряд.

Не отмытые храмы десятого века,
Добатыевских дел старина,
А заря над Окой — вот мечта человека,
Предзакатная тишина.

В САДУ

Известен способ исстари,
Надежный и нередкий,
Снимать с деревьев изморозь,
Чтоб не сломались ветки.

Чтоб не сломались косточки
Лубками ледяными,
Отростки, ветки, тросточки,
Попавшие под иней.

Садовники, цирюльники,
Земные костоправы,
Для них кусты багульника
Не травы для отравы.

Садовник возле яблони —
Как в операционной,
Изменит ветки дряблые
В тугие и зеленые.

И плод любви неистойой —
Отнюдь не инвалиды —
Лежат в кроватке гипсовой
Разумные гибриды.

Я тоже теплопоклонник
Огня или солнца — равно,
Я лезу на подоконник,
Распахиваю окно.

Знакомая даль Ярославны:
Дорога, кривое шоссе,
Раскопки в периоде давнем,
Трава в непросохшей росе...

Я жду новостей, как княгиня
На башне когда-то ждала,
Земная моя героиня
На страже добра, а не зла.

Но ветром захлопнуты рамы,
И я наклоняюсь к огню —
К печурке, где отсветы драмы,
Ему я не изменю.

ТЕПЛЫЙ КАМЕНЬ

Кто ты? Руда иль просто россыпь,
Иль самородок золотой,
Засевший в каменном откосе,
В болоте ставший на постой?

Ты в магазине ювелирном,
Умело согнутый в кольцо,
Глядишь металлом слишком мирным
И прячешь прежнее лицо.

Что исцарапано камнями,
Искажено, загрязнено,
Пока лежало в мерзлой яме,
Засосанное на дно.

Когда на тусклом мертвом лице,
Едва отличном от камней,
Мерцают солнечные блики —
Ты даже камня холодней.

Но вот ты, наконец, отмыто,
Металлом желтым становясь,
Все камешки с тебя отбиты,
Земная вычищена грязь.

Ты замерцаешь желтым светом,
Тишайшим светом золотым,
Проходим солнцем разогрето,
Сравниться хочешь с ним самим.

* * *

Я одет так легко,
Что добраться домой невозможно,
Не обсохло еще молоко
На губах, и душа моя слишком тревожна.

Разве дождь — переждешь?
Ведь на это не хватит терпенья,
Разве кончится дождь —
Это странное пенье,

Пенье струй водяных, так похожих на
струны,

Эта тонкая, звонкая нить,
Что умела соединить
И концы и кануны?

ЦЫГАНСКИЙ РОМАНС

Не в первый раз судьба нас сводит,
Не в первый раз в вечерний час
Друг к другу за руки подводит
И оставляет глаз на глаз.

Но мы выдергиваем руки
Из рук настойчивой судьбы,
Науки радостной разлуки
Мы оба верные рабы.

И я, и ты на речи рока
Не откликаемся затем,
Что нет еще числа и срока
Для наших песен и поэм.

Но, никого не искушая,
В последний час, в последний раз
Все разрешая, все прощая,
Судьба соединяет нас.

* * *

Я живу не по средствам:
Трачу много души.
Все отцово наследство —
На карандаши,

На тетрадки, на споры,
На дорогу в века,
На высокие горы
И пустыни песка.

* * *

Бесплодно падает на землю
Цветов пыльца,
Напрасно пролитое семя
Творца.

И только миллионной части,
Упав на дно,
Вступить с природой в соучастье
Дано.

* * *

Я устаю от суеты
И ухожу собирать цветы.

Я нахожу в любом цветке
Сопrotивление тоске.

И я завидую ему —
Немому другу моему.

Цветок не вовсе даже нем,
Но этих специальных тем

Касаться нынче не хочу.
Цветы собираю — и молчу.

* * *

Клен, на забор облокотясь,
Внимая ветру, свисту,
Бесшумно сбрасывает в грязь
Изношенные листья.

И если чудом в тот четверг
Весна бы возвратилась,
Клен безусловно бы отверг
Мучительную милость.

* * *

Мне горы золотые — плохая опора,
Когда высота такова,
Что страшно любого в пути разговора
И кружится голова.

И что мне погода, приличья и мода,
Когда высота такова,
Что мне не хватает глотка кислорода,
Чтоб ясно звучали слова.

И колют мне грудь, угрожая простудой,
Весенние сквозняки.
И я вечерами, как будто на чудо,
Гляжу на чужие стихи.

* * *

Как в фехтовании — удар
И защитительная маска,—
Остужен вдохновенья пар,
Коварна ранняя огласка.

Как в фехтовании — порыв
К найденному совершенству,—
Всех чувств благословенный взрыв,
Разрядки нервное блаженство.

БИРЮЗА И ЖЕМЧУГ

Смешаю вместе уксус и слюду,
Чтоб минерал скорее умирал,
И точат слезы камень-бирюзу,
И умирает синий минерал.

А жемчуг задыхается во тьме,
Теряет краски, цену и судьбу,
И не под силу жить ему в тюрьме,
Лежать живым в повапленном гробу.

Он жив — на пальце, вделанный в кольцо,
И полон человеческой теплоты,
Он сохраняет светлое лицо,
Он сохраняет жизнь свою — как ты.

* * *

Дорога ползет, как червяк,
Взбираясь на горы.
Магнитный зовет железняк,
Волнует приборы.

На белый появится свет
Лежащее где-то под спудом —
Тебе даже имени нет —
Подземное чудо.

* * *

Ты — учитель красноречья,
Полноводная река.
Я бреду тебе навстречу,
Вязну в осыпях песка.

Ты гремишь на перекатах,
Возвышаешь голос свой,
Ты купаешься в закатах,
Отливаешь синевой.

* * *

Стихи — не просто отраженье
Больших событий в мелочах,
Они — земли передвиженья
Внезапно найденный рычаг.

Стихи — не просто озаренье,
Фонарь средь тьмы и темноты.
Они — настойчивость творенья
И неуступчивость мечты.

Стихи всегда — заметы детства
С вчерашней болью заодно,
Доставшееся по наследству
Кустарное веретено.

* * *

Вчера я кончил эту книжку
Вчерне.
Осадка в ней немного лишку
На дне.

В подножья строк или палаток
Гранит
Нерастворимый тот остаток
Хранит.

Стиха невозмутима мера —
Она
Для гончара и для Гомера
Одна.

* * *

Суеверен я иль нет — не знаю,
Но рубаху белую свою
Чистую на счастье надеваю,
Как перед причастьем, как в бою.

Асептическая осторожность —
Древняя примета разных стран,
Древняя заветная возможность
Уцелеть после опасных ран.

* * *

Детский страх в тот миг короткий,
Расширяющий зрачки,
Принимает парус лодки
За акульи плавники.

Я бегу от этой сказки
Надвигающейся мглы
К материнской грубой ласке
В безопасные углы.

На печурку, на полати
Прячусь все еще живой,
В потолок моей кровати
Упираюсь головой.

* * *

Усиливающийся дождь
Не нужен мне.
И скоро высохнет чертеж
Дождя в окне.

И осторожные штрихи
Его руки
Как неуместные стихи —
Черновики.

Все ветра вытерто рукой,
Стекло блеснит.
Ложится солнце на покой
И долго спит.

В лесу листок не шелохнется —
Такая нынче тишина.
Никак природа не очнется
От обморока или сна.

Ручей сегодня так бесшумен —
Воды набрал он, что ли, в рот,
И сквозь кусты до первых гумен
Он не струится, а течет.

Обняв осиновую плаху
И, навалясь на огород,
Одетый в красную рубаху
Стоит огромный небосвод.

* * *

Ощутил в душе и теле
Первый раз за много лет
Тишину после метели,
Равномерный звездный свет.

Если б пожелали маги
До конца творить добро,
Принесли бы мне бумаги.
Спички. Свечку. И перо.

СОДЕРЖАНИЕ

«Я — северянин. Я ценю тепло...» . . .	7
«По старому следу сегодня уеду...» . . .	8
Наверх	9
«Топограф, знающий тайгу...»	11
«Быть может, и не глушь таежная...» .	12
Восход солнца	14
«Я не искал людские тайны...»	15
«Грозы с тяжелым градом...»	16
Ледоход	17
«Удача — комок нарастающей боли...» .	19
Руда	20
«Иду, дышу сосновым лесом...»	22
Мой архив	23
Корни даурской лиственницы	24
«Немилосердное светило...»	25
«Озерная вода прозрачней, чем глаза...»	26

Устье ручья	27
«Да... Как все это было?..»	29
«Высоки, текучи, глубоки...»	32
«На память черпнул я пол-океана...»	33
«Ну вот вам мой отчет...»	35
«Птица спит, и птице снится...»	36
«Согнулась западня...»	37
Пегас	39
«Гиганты детских лет...»	40
«В воле твоей остановить...»	41
«Нет, память не магнитофон...»	42
Прачки	43
Воспоминание о ликбезе	44
«Моя мать была дикарка...»	47
«Больного сердца голос властный...»	50
Ястреб	51
«Какое-то апреля...»	52
«Приглядишься к губам поэта...»	54
«В гремящую грозу умрет глухой Бетховен...»	55
«Стихотворения — тихотворения...»	56
«Пусть чернолесье встанет за деревнями...»	57
«Три корабля и два дельфина...»	58
«Я пришел на старый берег...»	59
«Покамест нет дороги льдинам...»	61
Речные отраженья	62

«Кета родится в донных стойлах...» . . .	64
Капля	65
«Где роса, что рукою сотру...»	66
«Нынче я пораньше лягу...»	67
«Еще в покое все земное...»	68
«Я верю в предчувствия и приметы...»	69
Гироскоп	70
«Мир отразился где-то в зеркалах...»	72
«Три снежинки, три снежинки в вышине...»	73
«Кто-то сердце крепко стиснет...»	74
Первый снег	75
«Это чайки с высоты...»	76
«Мне снова жажда вяжет губы...»	77
«Огонь — кипрей! Огонь — заря!..»	78
«Я хочу, чтоб средь метели...»	79
«Снег прибегает в сад...»	80
Пурга	81
«Зимы никому не жалко...»	83
Весне	84
«Оглушительен капель стук...»	85
Таежная весна	86
«Избушка крыта финской стружкой...»	87
За брусничкой	88
«Поблескивает озеро...»	89
«Подростком сюда затесался клен...»	91
«Сосен светлые колонны...»	92

«На этой горной высоте...»	93
У окна	94
«Летом работаю, летом...»	95
Листопад	96
«Орудье кружевницы...»	97
Рязанские страдания	99
В саду . . . . . : :	101
«Я тоже теплопоклонник...»	103
Теплый камень	104
«Я одет так легко...»	106
Цыганский романс	107
«Я живу не по средствам...»	108
«Бесплодно падает на землю...»	109
«Я устаю от суеты...»	110
«Клен, на забор облокотясь...»	111
«Мне горы золотые — плохая опора...»	112
«Как в фехтовании — удар...»	113
Бирюза и жемчуг	114
«Дорога ползет, как червяк...»	115
«Ты — учитель красноречья...»	116
«Стихи — не просто отражение...»	117
«Вчера я кончил эту книжку...»	118
«Суеверен я иль нет — не знаю...»	119
«Детский страх в тот миг короткий...»	120
«Усиливающийся дождь...»	121
«В лесу листок не шелохнется...»	122
«Ощутил в душе и теле...»	123

Шаламов Варлам Тихонович

МОСКОВСКИЕ ОБЛАКА

М., «Советский писатель», 1972, 128 стр. План выпуска 1971 г. № 157. Редактор В. С. Фогельсон. Худож. редактор В. В. Медведев. Техн. редактор А. И. Мордовина. Корректор Б. Ш. Котт. Сдано в набор 17/IV 1972 г. Подписано к печати 29/V 1972 г. А06795. Бумага 70×108¹/₂, № 1. Печ. л. 4 (5,60). Уч.-изд. л. 2,41. Тираж 10 000 экз. Заказ № 147. Цена 26 коп. Издательство «Советский писатель», Москва К-9, Б. Гнезниковский пер., 10. Тульская типография Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109.